



АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-32-42>

К вопросу об эволюции лингвистических взглядов и стихотворного языка поэта и реформатора Василия Кирилловича Тредиаковского (к 320-летию со дня рождения)

Наталья Викторовна Патроева¹, Анфиса Владимировна Рожкова²

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия*

¹ nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

² rozchkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3778-502X>

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическому исследованию двух стихотворений В. К. Тредиаковского: «Ода торжественная о сдаче города Гданска» (1734) и «Ода I. Торжественная о сдаче города Гданска» (1752). Цель статьи – определить, насколько коррелируют между собой ключевые положения языковой программы Тредиаковского и его языковой слог, отраженный в двух хронологически отдаленных друг от друга текстах. Для реализации поставленной цели использовались методы анализа, синтеза, индуктивный, дедуктивный, сравнительно-сопоставительный, типологический, а также лингвостилистический, лексикографический, количественный. Сопоставительный анализ подтверждает обусловленное жанром стабильное использование книжно-славянских элементов, значительная доля которых, прежде всего лексических и морфологических, приходится на вариант 1752 г., что подтверждает тенденцию к архаизации слога зрелого Тредиаковского. Оба текста характеризуются использованием фонетических старославянизмов, усеченных прилагательных. Наблюдение за лексическими единицами позволяет говорить о более широком круге таких средств в тексте 1752 г. Именно в этом варианте установлены некоторые случаи замены стилистически нейтрального слова славянизмом, что представляется важным в свете подтверждения архаизаторских тенденций в слоге позднего Тредиаковского-поэта. Наблюдения за типологией и структурой предложений позволяют говорить о вызванной новыми стиховыми требованиями трансформации синтаксиса в варианте 1752 г., что выразилось в более редком использовании односоставных конструкций, увеличении числа двусоставных и бессоюзных сложных предложений, несущественном уменьшении доли распространителей и союзно оформленных многокомпонентных сложных конструкций. В то же время синтаксический рисунок текста не предстает до конца обновленным и новаторским в силу таких сдерживающих факторов, как инверсированный порядок членов предложения и их намеренное значительное дистанцирование. Проведенный анализ подтверждает противоречивость идиостилевых и лингвистических устремлений В. К. Тредиаковского, индивидуально-авторский слог которого еще ждет своего комплексного изучения.

Ключевые слова: В. К. Тредиаковский, история русского литературного языка, поэзия XVIII в., ода, славянизмы, поэтический синтаксис

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

Для цитирования: Патроева Н. В., Рожкова А. В. К вопросу об эволюции лингвистических взглядов и стихотворного языка поэта и реформатора Василия Кирилловича Тредиаковского (к 320-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 2. С. 32–42. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-32-42>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Revisiting the evolution of linguistic views and poetic language of the poet and reformer Vasily Kirillovich Trediakovsky (to the 320th anniversary of the birth)

Natalya V. Patroeva¹, Anfisa V. Rozhkova²

^{1,2} Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

¹ nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

² rozhkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3778-502X>

Abstract. The paper presents a linguo-stylistic analysis of two poems by V. K. Trediakovsky, namely "A Ceremonial Ode on the Surrender of the City of Gdansk" (1734) and "Ode I. A Solemn Ode on the Surrender of the City of Gdansk" (1752). The study aims to determine the correlation between the key provisions of Trediakovsky's language programme and his linguistic style reflected in the two chronologically distant texts. To achieve this goal, we used analysis, synthesis, as well as inductive, deductive, comparative-contrastive, typological, linguo-stylistic, lexicographic, and quantitative methods. The contrastive analysis confirms the genre-driven systematic use of bookish Slavonic elements. Moreover, a significant proportion of them, primarily lexical and morphological, are found in the 1752 version, which indicates the tendency for the style of mature Trediakovsky to archaize. Both texts are characterized by the use of phonetic Old Church Slavisms and clipped adjectives. The observation of lexical units enables us to postulate a wider range of such means in the 1752 text. It is in this poetic version that some cases of replacing a stylistically neutral word with a Slavicism are identified, which seems important in the light of confirming the archaizing tendencies in the style of late Trediakovsky. The observations of the sentence typology and structure allow us to suggest that the new verse requirements of the 1752 version triggered syntactic transformations. The result was a rarer use of one-member sentences, an increase in the number of two-member and asyndetic composite sentences, and an insignificant decrease in the proportion of extending members of the sentence and syndetic multi-component constructions. At the same time, the syntactic pattern of the text does not appear to be completely renewed and innovated due to such constraints as the inverted order of sentence members and their significant intentional distancing. The analysis we performed confirms the inconsistency in the style and linguistic aspirations of V. K. Trediakovsky. His individual style still remains to be studied comprehensively.

Keywords: V. K. Trediakovsky, Russian literary language history, 18th-century poetry, ode, Slavisms, poetic syntax

Acknowledgements: The study was supported by Russian Science Foundation grant No 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

For citation: Patroeva N. V., Rozhkova A. V. Revisiting the evolution of linguistic views and poetic language of the poet and reformer Vasily Kirillovich Trediakovsky (to the 320th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(2):32–42. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-32-42>.

Сей муж был великого разума, многого
учения, обширного знания и беспримерного
трудолюбия... Полезными трудами приобрел
бессмертную славу.
Н. И. Новиков

Сей муж был первым учителем не только
Российского Красноречия, но и новейшего
Российского Стихотворства... хотя собственные
его стихотворения и проза не сделались
образцами.
Митрополит Евгений
(Е. А. Болховитинov)

Введение. Рассуждая о формировании, движущих силах и направлениях эволюции русского литературного языка, его исследователи уделяют первостепенное внимание лексической системе памятников, «проблеме словаря», в терминах В. М. Живова [Живов 1996: 6], и главным

образом — вопросу о соотношении старославянских и собственно русских элементов в том или ином жанре и примере дискурса. Не отрицая важности учета лексических параметров при анализе какого-либо памятника русской литературной речи, вслед за Г. О. Винокуром заметим:

«Можно думать, что в области морфологии граница между “славянским” и “простым русским” обнаруживалась нагляднее всего. Простые прошедшие времена, формы именительного падежа единственного числа причастий мужского рода без звука *щ* в настоящем времени и звука *ш* в прошедшем времени типа *даюй, давай* и т. п. для русского человека первой половины XVIII в. были наделены гораздо более сильной экспрессией старины и церковности, чем церковнославянские слова, из которых многие стали уже вполне привычными и, главное, могли даже не иметь русских эквивалентов в бытовом языке» [Винокур 1959: 126]. Действительно: языковая полемика российских стихотворцев-реформаторов XVIII столетия, продолжившиеся и в пушкинскую эпоху споры «архаистов»-шишковистов и «новаторов»-карамзинистов в итоге не привели к резкому сокращению церковнославянской стихии в области поэтической лексики и фразеологии (с победой «старого» слога над «новым» отнюдь не исчезла традиция использования так называемых поэтизмов, восходящая к образцам одической речи, других жанров «высокого штиля» и уходящая своими корнями в еще более раннюю эпоху, в том числе восходящая и к стилю «плетения словес»). Н. М. Карамзин и его сторонники не отказывались от одического словаря полностью, но предпринимали усилия для изменения правил построения поэтической фразы, обновляя прежде всего грамматические закономерности построения стихотворного текста «среднего» стиля, так как именно ода оказалась фактически той единственной образцовой и тщательно проработанной мастерами слова, начиная с Петровского времени, опорой, на основе которой можно было утверждать новые нормы, каноны языка, строить новые жанры писателям карамзинского поколения, даже если от этой основы демонстративно отталкивались на путях демократизации литературной речи. Разумеется, стилистически маркированные лексические и грамматические славянизмы при этом не столько служат показателем «высоты» словесного выражения, сколько выполняют в жанровой системе «нового слога» то или иное художественное задание.

Проза карамзинского и пушкинского периодов, на материале которой, как правило, исследуются процессы становления грамматических и стилистических норм русского литературного языка, во многом питалась достижениями предшествующего и современного Карамзину поэтического слога. Г. О. Винокур специально подчеркивал то преимущественное значение, которое в XVIII в. «принадлежало стихотворной литературе в формировании всего литературного стиля того времени» [Винокур 1959: 64]. В своих трактатах и поэтических опытах А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов первыми из русских стихотворцев пытались приспособить русский язык к нуждам силлабического, а позже — силлабо-тонического стихосложения. При этом важно иметь в виду, что в сфере литературной речи второй половины XVIII столетия, несмотря на неоднократно звучавшие теоретические предложения реформ языка и слога, происходила концентрация книжных черт, реставрация церковнославянских традиций; этому же способствовала и «связь теоретических основ классицизма с традициями античных риторик... Открывались неограниченные возможности для возрождения юго-западной риторики, для латинизации синтаксиса, для культивирования длинных периодов с искусственной, запутанной расстановкой слов» [Ковтунова 1969: 129]. Нормы разграничения «украшенного» и «простого» стилей в области русской лексики и грамматики выработаны и кодифицированы не были, как не было еще и длительной, устойчивой традиции развития «мирской» литературы в России.

В этот переломный момент развития русской словесности большую роль сыграла деятельность В. Е. Адогурова и В. К. Тредиаковского, связанных годами дружбы и совместной учебы в Славяно-греко-латинской академии. Их лингвистическая программа проецировала западноевропейскую языковую ситуацию на русскую почву¹. Именно по предложению В. Е. Адогурова В. К. Тредиаковский опубликовал в приложении к переводу французского романа «Езда в остров любви» собственные стихотворные опыты². В. Адогуров и В. Тредиаковский впервые

¹ См. подробнее: [Успенский 1985: 70–157].

² См. также: Успенский Б. А. Доломоносовский период отечественной русистики: Адогуров

провозгласили ориентацию на сближение книжной и разговорной стихии, на «употребление»³, узус, а не на правила, каноны, зафиксированные в грамматиках и риториках предшествующего периода. Подобная ориентация далеко не сразу привела к отказу от явно «обветшалых» лексических и грамматических славянизмов и к ограничению их допуска в качестве так называемых поэтических вольностей. Однако детали творческой биографии поэта и реформатора Тредиаковского, по мнению П. Е. Бухаркина, «возможно, наиболее самостоятельного и оригинального русского литератора XVIII века» [Бухаркин 2013: 62], во многом еще не прояснены, особенно в отношении эволюции языка и жанрово-стилистических устремлений предшественника лингвистических споров «архаистов» и «новаторов».

Методы и материалы исследования. Такой распространенный в русской литературе второй половины XVIII столетия жанр, как батальная ода, сформировался⁴ во многом благодаря известным трактатам «Рассуждение об оде вообще», «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского и его же поэтической практике.

Целью статьи является сопоставительный анализ двух редакций одного произведения, разделенных в создании почти 20 годами: «Оды торжественной о сдаче города Гданска» (1734) и «Оды I. Торжественной о сдаче города Гданска» (1752). Использование этих редакций, относящихся к разным периодам в творчестве В. К. Тредиаковского (раннему и позднему), позволило бы, на наш взгляд, в ходе сопоставительного анализа прояснить вопрос: оказала ли влияние трансформация первоначальной

литературно-языковой программы Тредиаковского на его поэтический слог?

Для реализации поставленной цели использовался ряд общенаучных методов (анализ и синтез, индуктивный и дедуктивный, сравнительно-сопоставительный, типологический), а также методов и конкретизирующих их приемов филологического анализа: лингвостилистический, лексикографический, количественный и др.

Анализ. Молодой В. К. Тредиаковский еще за полвека до Н. М. Карамзина призывал писать светские книги языком, «каковым мы меж собою говорим», т. е. на «почти самом простом русском языке», так как «язык славенской» ныне «темен» и «жесток... ушам слышится» (цит. по: [Живов 2017: 1013]). Так высказывался автор в обращении «К читателю», предварявшем перевод 1730 г. «Езды в остров любви» — романа французского писателя XVII в. Поля Таллемана. Между тем сам Тредиаковский довольно широко в своих оригинальных произведениях пользуется лексическими и грамматическими архаизмами (вокативами, устаревшими и усеченными окончаниями причастных форм, старыми деепричастиями и т. п.), смешивая их с элементами живой разговорной стихии и заимствованиями из латыни, французского, немецкого и польского языков, что неизбежно создает впечатление хаоса и пестроты. Именно эта эклектичность слога Тредиаковского и была главной причиной нападок современников, недооценки и забвения потомками его вклада в развитие российской словесности. Таким образом, желание В. К. Тредиаковского обустроить новый русский литературный язык на западноевропейских основаниях⁵, секуляризировать и демократизировать его, сблизив с разговорной речью и отдалив от «обветшало-го» языка церковных книг, ни теоретически (в виде грамматики, словаря, риторики, а не отдельных кратких трактатов, статей, как, например, «Разговор об орфографии» и т. п.), ни практически поэтом не было реализовано до конца и последовательно, «порядок наведен не был» [Живов 2017: 1025]. Это в особенности

и Тредиаковский // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 15–30.

³ По мнению Б. А. Успенского, этот термин, параллельно введенный в употребление Адодуровым и Тредиаковским, является семантической калькой с французского *usage*, используемого в программе классициста XVII в. и создателя французского академического словаря Клода Фавра де Вожа (Вожеля); см.: [Успенский 1985: 132].

⁴ См. подробнее, например: Ратников А. Н. Динамика осмысления русской батальной оды в XVIII веке // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 99–106.

⁵ См., например: Власов С. В. Концепция правильного языкового употребления у Тредиаковского и французские теории *bon usage* XVII–XVIII веков // Литературная культура России XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. СПб.: СПбГУ, Фак. филологии и искусств, 2009. С. 75–104.

касалось лексической и синтаксической подсистем, так как морфология уже к 1740-м гг. подверглась значительной регламентации.

Анализ стихотворных опытов В. К. Тредиаковского свидетельствует об объединении старославянского и русского языков в некий «славенороссийский» («славенорусский») конгломерат как, с одной стороны, результат многовековой истории развития русского литературного языка в целом, с другой — продукт далеко не всегда эстетически удачной индивидуально-авторской попытки реформирования. При этом тесное взаимодействие двух речевых стихий характеризует и словарный состав, и грамматическую систему поэтического дискурса (примером реализации подобного синтеза может служить также «Тилемахида» В. К. Тредиаковского, в которой, согласно наблюдениям В. М. Живова, «соседствуют... дательный самостоятельный и деепричастные обороты и т. п.» [Живов 1996: 286]).

Как показывают наблюдения над обеими редакциями оды о взятии города Гданска, тексты лишены резких различий, связанных с отбором и организацией книжно-славянских элементов, стабильное употребление которых прежде всего подчинено теме произведения и согласуется с его жанром, однако опыт 1752 г. все же несколько более насыщен церковнославянскими элементами — прежде всего, лексическими и морфологическими. Это подтверждает тенденцию к архаизации слога зрелого Тредиаковского, не только провозглашенную в теоретических, литературно-критических статьях (например, в «Письме от приятеля к приятелю» 1750 г., в котором Тредиаковский говорит о пользе церковной литературы для лучшего овладения русским языком), но и воплощенную в оригинальном литературном творчестве под влиянием пересмотра поэтом своих первоначальных лингвистических взглядов. Такая трансформация представляется вполне закономерной, если иметь в виду, с одной стороны, семейные корни Тредиаковского, отец и дед которого принадлежали духовному сословию, а также чтение лекций по латинскому красноречию в Академическом лицее профессором Тредиаковским в 1748–1749 гг. — с другой⁶.

⁶ См. также о внимательном чтении В. Тредиаковским ломоносовского «Краткого руковод-

В текстах используются слова с неполногласными сочетаниями, численное соотношение которых примерно одинаково, а лексический состав отличается незначительно. Для обоих текстов характерны примеры: *сладкогласны, град, чрез, при берегах, от берегов, гласом, пред, врата*. В двух вариантах встречаются производные с приставкой *пре-*: *престань* (1734), *превосшедшей* (1752). Замена полногласного варианта на неполногласный фиксируется в одном случае:

И воин то российский на мало
Окружил Гданск, город противный... (1734) —
То и Русский полк, на мало
Гданск, град вражий, окружил... (1752).

Использование книжного южнославянского варианта незначительно повлияло на стилистику указанных строк, учитывая, что в «Словаре русского языка XVIII века» содержится такой комментарий к слову *град*: *Слав. (в прозаических текстах первой трети XVIII в. и в поэтических текстах всего века стилистически нейтрально, как сл. город)*⁷.

Незначительно использование других фонетических старославянизмов с вокализованным редуцированным, согласным [ш]: *воззови, воспевай, к несчастю, копие, счастьем, хошу* (1734) — *тысящами, восстает, воспоет, востекшего* (1752). Вариативность отражена в примерах:

Тысячами храбрых атлетов
Окружен ты отсюду тесно...;
Счастьем Анны все крепятся... (1734) —
Тысящами ты атлетов тесно всюду окружен...;
Счастьем Анны крепок всяк... (1752).

Как принадлежность книжно-славянского языка можно рассматривать усеченные прилагательные, хотя использование таких форм связывают обычно не только со стилистической функцией, но

ства к красноречию» 1748 г. и внесении в текст домашнего экземпляра издания заметок на полях, свидетельствующих о продолжении Тредиаковским напряженных поисков в области русской грамматики и стилистики, в работе: *Костин А. А. Тредиаковский — читатель ломоносовской риторики (вопрос истории текста) // XVIII век. Сб. 29 / отв. ред. Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 21–49.*

⁷ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Л.: Наука, 1989. С. 208.

и с особой ритмической организацией стиха⁸. Список слов, общих для обоих текстов, ограничивается следующими примерами усеченных форм (прилагательных, причастий, местоимений, существительного): *храбру / храбра, сладку, тверда, милосерда, Европска / Европейска, азийска, хински / хинска, паряща, всяк, каждая, все-ленна*. Однако текст 1734 г. содержит в полтора раза больше лексически разнообразных усеченных форм, чем второй вариант. В отдельных случаях наблюдается вариативность полных и усеченных форм:

И силу ликов слышу *красных*... (1734) –
Меру, лики слышу *красны*... (1752);

Бурливые ветры! Молчите... (1734) –
Бурны ветры! не шумите... (1752);

Гордый огнем Гданск и железом... (1734) –
Горд огнем Гданск и железом... (1752);

Храброго сердца не имущих... (1734) –
Храбра сердца неимущих... (1752);

И сквозь *дымные* видно мраки... (1734) –
И сквозь *дымны* видно мраки... (1752).

Обратный случай замены усеченной формы на полную единичен:

Как орлы *быстры*, дерзновенны (1734) –
Звезд, как *быстрые* орлы (1752).

Заметим, что причастные обороты, содержащие не усеченные, а полные причастные формы, хотя по происхождению и являются церковнославянскими элементами, однако уже и в XVIII столетии прочно утвердились в литературе разных жанров и поэтому воспринимались как нейтральные⁹.

Лексический уровень, разумеется, является наиболее заметным при отборе и организации книжно-славянских элементов как в аспекте употребления в каждом отдельном стихотворении, так и в аспекте

сопоставительном¹⁰. Круг славянизмов, общий для обоих текстов, представлен следующим списком: *внемлите, купно, зрит* (также инфинитив и другие личные формы этого глагола), *вящий, воспевай / воспоет, око, едино, дерзаешь, огонь*. Помимо этих форм в стихотворении 1734 г. отмечаются: *воззови, благоприятно, никако, всяко, паряща*. В тексте 1752 г. круг славянизмов расширяется: *велелепно, доблественна, златовидный, благосчастна*¹¹, *восстает, бряцаю, мать, горных, в воех* (дважды – *воев*), *блажит, отвергает* (2 употребления), *возносима*¹², *воспоет, днесь, кров, злобный, воинство*. Несмотря на отсутствие в увидевших свет томах «Словаря русского языка XVIII века» лексемы *превосходить*, к парадигме которой может быть отнесена причастная форма *превосшедшей*, это слово, вероятно, следует отнести к славянизмам как префиксальное производное от глагола *восходить*, зафиксированного в словаре с пометой «Слав.»¹³.

Некоторые слова из последнего перечня уже в XVIII в. стали характеризоваться не только как славянизмы, но и как элементы книжной поэтической и риторической

¹⁰ При анализе лексики авторы руководствовались стилистическими рекомендациями «Словаря русского языка XVIII века».

¹¹ Сложные прилагательные-эпитеты Тредиаковского уже обращали на себя внимание исследователей, см.: *Петрова З. М.* Сложные прилагательные в поэзии второй половины XVIII века (Поэзия классицизма, Тредиаковский, Державин) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). Л.: Наука, 1966. С. 146–204; *Рожкова А. В.* Эпитеты в ранней лирике В. К. Тредиаковского // *Libri Magistri*. 2022. № 3(21). С. 35–45.

¹² В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова даются рекомендации по образованию «только от глаголов российских, у славян в употреблении бывших», форм страдательных причастий на *-мый*, которые «приличнее полагаются в риторических или стихотворческих сочинениях, нежели в простом штиле или в просторечии» [Ломоносов 1952: 547]. См. характеристику причастий как старославянизмов в работе: *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* История причастий // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. С. 280–411.

¹³ Это и указанные далее в скобках после примеров сокращения и условные обозначения извлечены авторами статьи из «Словаря русского языка XVIII века».

⁸ См., например: *Запольская Н. Н.* «Усеченные» причастия в русском литературном языке XVIII века // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1985. № 3. С. 34–45; *Кулева А. С.* Усеченные прилагательные в русской поэзии // Русская речь. 2008. № 3. С. 35–39.

⁹ См.: *Лотман Ю. М.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1975. Вып. 358. С. 203–204.

речи, о чем свидетельствуют соответствующие пометы в «Словаре русского языка XVIII века». Стилистический синкретизм характерен для слов *воспоет* (слав., ритор., поэтич.), *днесь* (слав., ритор., поэт.). Изменяющаяся стилистическая коннотация отмечена у следующих слов: *кров* (слав. → поэт.), *злойный* (слав. → нейтр.), *вознестись*, *возноситься* (к зафиксированному в тексте причастию *возносима*) (слав. → нейтр.), *воинство* (нейтр. → ритор.). Вне зависимости от направления перехода очевиден оттенок, отсылающий к традиционно-книжным контекстам, привычными элементами которого были славянизмы.

Сравнение двух редакций выявило некоторые случаи замены во втором варианте стилистически нейтрального слова славянизмом, что подтверждает тенденцию архаизации слога позднего Тредиаковского поэта:

Но что *вижу?* не льстит ли око? (1734) —
Что я *зрю?* не льстит ли око? (1752);

Смотрите, противны народы,
Коль храбры российские *люди!* (1734) —

Зрите вы, противны роды,
Храбрость русских *воев...* (1752);

Покинь, Гданск, покинь мысль ту *злую...* (1734) —
Кинь, Гданск, помысл *злойный*, кинь... (1752);

На раскатах нет уж защиты,
Земля пропасти *растворяет*;
Здание в воздух улетает... (1734) —

Без защиты твой раскат;
Всяк дол бездну *отверзает*;
Всяк *кров* в воздух улетает... (1752).

В. В. Колесов указывает на факты использования «таким архаическим по стилю писателем, как Тредиаковский», «квазиархаических форм», «совершенно невероятных с точки зрения системы языка»: *секущими косы*, *высокими горы*, *горящими звезды* — с противоречащим исконному ударением на окончании [Колесов 2003: 108–111].

В то же время во втором варианте наблюдаются случаи «отказа» от славяно-книжных элементов в пользу стилистически нейтральности:

Воззови ум, с ним соберись... (1734) —
В ум *приди*, с ним соберись... (1752);

Повсюду и Слава *паряща*
Се летит трубою *гласяща...* (1734) —

Тотчас слава *полетела*,
Так трубою *загремела...* (1752).

Синтаксический уровень стихотворений демонстрирует в поэзии XVIII в. сугубую сложность¹⁴ (см. табл. 1). И тексты В. К. Тредиаковского здесь не являются исключением (заметим, однако, что синтаксическое устройство поэтических творений Тредиаковского все же ближе к ломоносовскому, чем к кантемировскому, хотя языковые программы Кантемира и раннего Тредиаковского были близки), отражая начавшуюся в середине XVIII в. динамику в сторону упрощения структур и увеличения доли бессознательно оформленных сложных конструкций: преобладание многокомпонентных предложений с контаминированной, т. е. включающей пара- и гипотаксис, связью. Сравним с точки зрения эволюции и трансформации синтаксического устройства два варианта интересующей нас оды, написанные силлабическим 8- и 9-сложником в 1734 г. и четырехстопным хорем в 1752 г. Тредиаковский не только осуществил замену отдельных слов в соответствии с новой метрической схемой, но внес и существенные синтаксические изменения, правя силлабический вариант и перестраивая исключительно женские клаузулы в чередующиеся с мужскими: так, в три раза реже используются теперь односоставные конструкции, зато на треть увеличивается количество двусоставных и бессюжных сложных предложений, уменьшается, хотя и несущественно, доля распространителей и союжно оформленных многокомпонентных сложных конструкций. Приведем для сопоставления только первые строфы двух редакций¹⁵:

¹⁴ См. более подробные данные в продолжающемся издании: Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский / под ред. Н. В. Патроевой. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 576 с.; Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с.

¹⁵ Цит. по: Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 129, 453.

Ода торжественная о сдаче города Гданска

Кое трезвое мне пианство
 Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
 Музы! *не вас ли вижу ныне?*
 И звон ваших струн сладкогласных,
 И силу ликов слышу красных;
 Все чинит во мне речь избранну.
Народы! радостно внимлите;
 Бурливые ветры! молчите:
Храбру прославлять хочу Анну.

В своих песнях, *в вечность преславных,*
 Пиндар, Гораций несравненны
 Вознеслись до звезд в небе явных,
Как орлы быстры, дерзновенны.
 Но *буде б ревности сердечной,*
Что имеет к Анне жар вечный,
 Моея глас лиры сравнился,
 То бы сам и Орфей фракийский,
 Амфион купно б и фивийский
 Сладости ее удивился. (1734)

Таким образом, синтаксис Тредиаковского спустя два десятилетия не столько упрощается, сколько именно трансформируется, подстраиваясь под новые стиховые требования.

Не только структурный тип предложений, но и их размер (длина) — см. табл. 2 (материалы таблиц 1 и 2 представлены в коллективном труде: Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 2: Ломоносов. 2019. С. 50–51) — составляет индивидуальность «синтаксического портрета» и идиостиля писателя в целом. Максимальный размер предложения (в словах) мы обнаруживаем именно у Тредиаковского (хотя средняя длина предложения имеет максимальное значение

Ода I. Торжественная о сдаче города Гданска

Кое странное пианство
 К пению мой глас бодрит!
Вы парнасское убранство,
 Музы! *ум не вас ли зрит?*
Струны ваши сладкогласны,
 Меру, лики слышу красны,
 Пламень в мыслях восстаёт.
 О! народы, *все* внимлите;
 Бурны ветры! не шумите:
 Анну *стих* мой *воспоет*.

В слогах толь высокопарных
 Пиндар, *Флакк по нем*, от мглы
 Вознеслись до светозарных
 Звезд, *как быстрые орлы.*
 Но *когда б с самим сердечным*
 К Анне духом, сим и вечным,
 Песнь сравнилась днесь моя, —
 То б сам и Орфей Фракийский,
 Амфион бы и Фивийский
 Восхищен был от нея. (1752)

у Кантемира; в переложениях псалмов, авторстве которых и принадлежности их именно А. Кантемиру до сих пор не утихают споры, длина предложения достигает 29 строк, однако переводы с латинского и других языков в словаре специально не рассматриваются). Г. Н. Акимова, проведя на материале научной прозы сопоставительное исследование «синтаксических портретов» Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, выявила отчетливое тяготение именно Тредиаковского к использованию причастных и деепричастных обособленных оборотов, а следовательно, к расширению подчинительной цепочки словоформ в предложении [Акимова 2012: 247].

Структурная типология предложений в русской поэзии XVIII века
 (на материале оригинальных произведений малых и средних жанров)

Таблица 1

Structural typology of sentences in 18th-century Russian poetry
 (based on original works of small and medium genres)

Table 1

Тип предложения	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов	Сумароков
НДП	80 (9,7 %)	114 (19,2 %)	437 (19,92 %)	600 (19,9 %)
НОП	22 (2,7 %)	17 (2,9 %)	57 (2,6 %)	128 (4,2 %)
ОДП	45 (5,4 %)	55 (9,3 %)	271 (12,35 %)	288 (9,5 %)
ООП	23 (2,8 %)	22 (3,7 %)	65 (2,96 %)	88 (2,9 %)
БССП	19 (2,3 %)	19 (3,2 %)	88 (4,01 %)	179 (5,9 %)
БСПП	96 (11,6 %)	57 (9,6 %)	345 (15,72 %)	431 (14,3 %)

ББСП	71 (8,6 %)	67 (11,3 %)	262 (11,94 %)	294 (9,7 %)
МССП	6 (0,7 %)	4 (0,7 %)	2 (0,09 %)	13 (0,4 %)
МСПП	76 (9,2 %)	16 (2,7 %)	82 (3,74 %)	85 (2,8 %)
МБСП	35 (4,2 %)	65 (11 %)	106 (4,83 %)	145 (4,8 %)
МСПСП	73 (8,8 %)	34 (5,7 %)	102 (4,65 %)	191 (6,3 %)
МСПСБ	24 (2,9 %)	27 (4,6 %)	64 (2,92 %)	174 (5,8 %)
МСППБ	146 (17,6 %)	51 (8,6 %)	199 (9,07 %)	220 (7,3 %)
МСПСПБ	109 (13,2 %)	44 (7,4 %)	56 (2,55 %)	172 (5,7 %)
ФП	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (0,05 %)	7 (0,2 %)
НП	3 (0,4 %)	1 (0,2 %)	57 (2,6 %)	7 (0,2 %)
Всего	828 (100 %)	593 (100 %)	2194 (100 %)	3022 (100 %)

Примечание. Условные сокращения, применяемые в таблице 1: НДП – неосложненные простые двусоставные предложения; НОП – неосложненные простые односоставные предложения; ОДП – осложненные простые двусоставные предложения; ООП – осложненные простые односоставные предложения; БССП – бинарные сложносочиненные предложения; БСПП – бинарные сложноподчиненные предложения; ББСП – бинарные бессоюзные предложения; МССП – многокомпонентные сложносочиненные предложения; МСПП – многокомпонентные сложноподчиненные предложения; МБСП – многокомпонентные бессоюзные предложения; МСП – многокомпонентные сложные предложения с разными типами связи: с сочинением и подчинением (МСПСП), с сочинением и бессоюзием (МСПСБ), с подчинением и бессоюзием (МСППБ), с сочинением, подчинением и бессоюзием (МСПСПБ); ФП – фразеологизированные предложения с ослабленной синтаксической членимостью, высказывания-автоматизмы; НП – нечленимые предложения.

Таблица 2

Длина предложения в русской поэзии XVIII в.

Table 2

Sentence length in 18th century Russian poetry

Автор	Длина предложения (кол-во слов)		Длина предложения (кол-во строк)	
	Максимальная	Средняя	Максимальная	Средняя
Кантемир	133	22,6	18*	3,4
Тредиаковский	156	15,6	22	3,2
Ломоносов	134	16,5	12	3,3
Сумароков	88	14,3	17	2,7
Херасков	108	16,1	14	3,7
Державин	114	20,5	24	4,5
Карамзин	143	15	34	2,9
Дмитриев	112	12,2	18	2,3

Бросаются в глаза, наряду с обилием вопросительных и восклицательных фраз, постоянные сильные инверсии компонентов предложения, очень резкие их перестановки и дистанцирования, которые оценивались Тредиаковским, как и другими поэтами (например, А. Кантемиром в «Письме Харитона Макентина», 1742), как допускаяемые намеренно в стихах «поэтические вольности» и – одновременно – приметы высокого слога, «поскольку инверсия такого рода была возможна в церковнославянских текстах (где строение фразы нередко калькирует

греческое словорасположение)» [Успенский 1985: 91].

Синтаксис Тредиаковского – результат борьбы поддерживаемой и культивируемой им новой системы стихосложения, и издержки этого стремления можно объяснить, согласно Л. И. Тимофееву, тем, что «Тредиаковский, уловив эту новую систему ритмики, более четкую и организованную, не сумел отойти от старой синтаксической системы. Сложную, запутанную, книжную интонацию, громоздкий синтаксис, который характерен для силлабистов, он оставил без изменения» [Тимофеев 1958: 333].

Выводы. Таким образом, поэтический словарь и грамматика В. К. Тредиаковского — красноречивое свидетельство не утихавших на протяжении века споров о языке и стиле русской литературы. Василий Тредиаковский 1730–1750-х гг. — противоречивая фигура российской словесности, одновременно и опередившая свое время и отставшая от некоторых магистральных тенденций литературного развития, а потому недопонятая и даже осмеянная и несправедливо раскритикованная. Так, Н. М. Карамзин отмечает: «Если бы охота и прилежность могли заменить дарование, кого бы не превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии?.. Однако ж труды его были не совсем бесполезны... Имя Тредиаковского будет известно самым отдаленным потомкам. Сохраним же образ его, и почтим в нем... трудолюбие науки и несчастье природы» [Карамзин 1964: 165–166]. Два десятилетия спустя Н. Ф. Остолопов уже подчеркнет в качестве заслуг Тредиаковского хотя бы то, что он первым ввел на русской почве гекзаметр и «правильную» трагедию¹⁶. Согласимся с мнением Б. А. Успенского, что «в деятельности Тредиаковского заложены предпосылки последующих концепций русского литературного языка, определяющие экстремальные возможности его эволюции». Индивидуально-авторский слог В. К. Тредиаковского, в той мере, в какой он отличается от общеязыковых, общелитературных и жанровых нормативных устремлений, еще ждет своих исследователей, но уже сейчас понятна масштабность роли в становлении российской словесности творческой личности автора «Оды торжественной о сдаче города Гданска».

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии:

¹⁶ Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии: в 3 ч. СПб.: В типографии Императорской Российской Академии, 1821. Ч. 1. С. 335–336; Ч. 3. С. 341.

очерки / отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 13–291.

2. Бухаркин П. Е. В. К. Тредиаковский: литературный облик и литературная репутация // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 61–67.

3. Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 111–137.

4. Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Т. 2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 480 с.

5. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590 с.

6. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964. 591 с.

7. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX века: пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969. 231 с.

8. Колесов В. В. Взаимоотношение стиля и нормы в учениях XVIII века // Колесов В. В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 104–117.

9. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.

10. Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М.: Гослитиздат, 1958. 416 с.

11. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во МГУ, 1985. 215 с.

REFERENCES

1. Akimova G. N. Essays on the syntax of the language of M. V. Lomonosov. *Grammatika i stilistika russkogo yazyka v sinkhronii i diakhronii: ocherki = Grammar and stylistics of the Russian language in synchrony and diachrony: essays* / S. V. Vyatkina, D. V. Rudnev (eds.). Saint-Petersburg, Faculty of Philology: St.-Petersburg State University, 2012. P. 13–291. (In Russ.)

2. Bukharkin P. E. Vasily K. Trediakovsky: literary image and literary reputation. *Mir russkogo slova = The World of Russian Word*. 2013;4:61–67. (In Russ.)

3. Vinokur G. O. Russian literary language in the first half of the 18th century. *Vinokur G. O. Izbrannye raboty po russkomu yazyku = Selected works on the*

Russian language. Moscow: Educational and Pedagogical State Publishing House = Uchpedgiz, 1959. P. 111–137. (In Russ.)

4. Zhivov V. M. History of the language of Russian writing: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2017. 480 p. (In Russ.)

5. Zhivov V. M. Language and culture in Russia in the 18th century. Moscow: Languages of the Russian Culture, 1996. 590 p. (In Russ.)

6. Karamzin N. M. Selected works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Fiction, 1964. 591 p. (In Russ.)

7. Kovtunova I. I. Word order in the Russian literary language of the 18th–19th centuries: the ways of the formation of the modern norm. Moscow: Science, 1969. 231 p. (In Russ.)

8. Kolesov V. V. The relationship between style and norm in the teachings of the 18th century.

Kolesov V. V. *Istoriya russkogo yazykoznaniya: ocherki i etyudy* = *History of Russian linguistics: essays and studies*. Saint-Petersburg: Publishing house of SPb-SU, 2003. P. 104–117. (In Russ.)

9. Lomonosov M. V. Russian grammar. *Lomonosov M. V. Complete works: in 11 vol. Vol. 7*. Moscow; Leningrad: Publishing house of AS USSR, 1952. P. 389–578. (In Russ.)

10. Timofeev L. I. Essays on the theory and history of Russian verse. Moscow: State publishing house of fiction = Goslitizdat, 1958. 416 p. (In Russ.)

11. Uspensky B. A. From the history of the Russian literary language of the 18th–early 19th centuries. Karamzin's language program and its historical roots. Moscow: Moscow University Press, 1985. 215 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор

Анфиса Владимировна Рожкова, кандидат филологических наук, доцент

Natalya V. Patroeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Anfisa V. Rozhkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 12.01.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 12.01.2023.